

ОДЕССКИЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ Г.А.ГАМОВА

И.Э.Рикун

Одесская национальная научная библиотека им. М.Горького
Украина, Одесса, ул. Пастера, 13
rikun_inna@mail.ru

В 1933 г. выдающийся советский и американский физик-теоретик, астрофизик и популяризатор науки Георгий Антонович (Джордж) Гамов навсегда покинул Советский Союз, имя «невозвращенца» оказалось в СССР под запретом и встречалось только в специальной литературе. Первая статья о нем появилась в 1989 г., а в 1994 г. был напечатан русский перевод автобиографии Гамова «Моя мировая линия», которую он сам назвал неформальной. Неформальная эта биография была адресована американскому читателю, и, возможно, в сочетании этих двух обстоятельств кроется причина значительного количества неточностей, которыми изобилует книга. Кроме того, сам Гамов пишет: «У меня очень плохая память на имена и числа». Некоторые из неточностей уже устранены биографами Гамова, некоторые продолжают кочевать из статьи в статью.

Но давайте все по порядку. Г.А.Гамов родился в Одессе 20 февраля (4 марта) 1904 г. Его родители были учителями: отец – Антон Михайлович Гамов преподавал русский язык и литературу, мать – Александра Арсеньевна Гамова (Лебединцева) – историю и географию. Юра (так называли Гамова родные и близкие) родился на девятнадцатом году их супружества.

В статьях о Гамове приводится только девичья фамилия матери, и создается впечатление, что на фамилию мужа она не переходила. Однако просмотр таких продолжающихся изданий, как «Памятная книжка Одесского учебного округа» и «Адрес-календарь Одесского градоначальства» свидетельствует об обратном. А.А.Гамова с 1892 по 1913 год преподавала в гимназии С.И.Видинской (ныне школа № 50). В 1906 г. «ко дню святой Пасхи» была награждена золотой нагрудной медалью.

Американцам, которым безразличны тонкости системы образования в дореволюционной России, Гамов сообщает, что отец преподавал в одной из одесских частных гимназий. В действительности, он с 1888 г. преподавал в Реальном училище Св. Павла (Лютеранский пер., 2) В конце службы А.М.Гамов получал максимально возможное содержание в 2900 руб. в год, больше него в училище не получал ни один из преподавателей. Это были немалые деньги. К примеру, содержание его жены составляло всего 400 руб. В 1895 г. А.М.Гамов был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, а в 1909 г. – орденом Св. Анны 2-й степени. Получил он также серебряную медаль в память императора Александра III. В 1913 г., в чине статского советника, он вышел в отставку. Исполнилось 25 лет службы, что давало право на полную пенсию. Отец Г.А.Гамова мог бы продолжать преподавательскую деятельность, однако у него сильно ухудшилось и до того слабое зрение. Второй причиной ухода на пенсию, скорее всего, была смерть жены, которая умерла в том же 1913-м, и ему пришлось воспитывать сына самому.

Каким же педагогом был А.М.Гамов? До сих пор было известно одно, притом отнюдь не лестное свидетельство о его педагогических способностях. В 1888 г. порог училища Св. Павла впервые переступил не только молодой учитель А.М.Гамов, но и девятилетний ученик Лев Бронштейн. До поры до времени они не пересекались, но в пятом классе произошел конфликт. Вот что пишет об этом сам Лев Давидович Бронштейн, вошедший в историю под именем Троицкий: «В старших классах преподавание литературы перешло в руки Гамова. Это был молодой еще, пухлый, очень близорукий и болезненный блондин без

всякого огонька и без любви к предмету. Мы уныло ковыляли за ним от главы до главы. В довершение Гамов был еще и неаккуратен и затягивал до крайности просмотр наших письменных работ». Он предложил написать четыре домашних работы и ни одной не вернул. Бронштейн, высоко оценивавший свои сочинения и ожидавший высокой оценки от учителя, был возмущен. Он организовал петицию к начальнику училища с требованием об его увольнении с работы. Естественно, петиция не возымела действия.

Г.А.Гамов вспоминает, что «отец, собиравший работы своих лучших учеников, годами хранил одно из сочинений Бронштейна». Возможно, узнав об этом, Троцкий и пожалел бы о своей петиции.

Кстати, историю конфликта Троцкого с отцом Г.А.Гамов излагает с присущим ему чувством юмора. Похоже, его не смущало, что у читателя может создаться негативное впечатление о педагогических способностях отца. Первый советский биограф Г.А.Гамова Ю.И.Лисневский, который начал собирать сведения о нем еще в 80-е годы прошлого века, считал, что «в этой истории что-то не то». Он встречался с людьми, лично знавшими А.М.Гамова, и те положительно характеризовали его как педагога. Автору удалось найти письменное подтверждение этого.

После установления в Одессе Советской власти А.М.Гамов, скорее всего по причинам материального характера, вновь начал преподавать в профтехшколе «Металл-IV» им. Л.Д.Троцкого, организованной на базе Реального училища Св. Павла. Среди его учеников был будущий известный художник книги и шрифта В.В.Лазурский, сын профессора кафедры истории западноевропейских литератур Новороссийского университета В.Ф.Лазурского. В своих воспоминаниях «Путь к книге» (М., 1985) он пишет, что русский язык и литературу преподавал «немолодой уже, очень опытный и добрый педагог Антон Михайлович Гамов... У незрячего Антона Михайловича был обостренный слух. И часто, прервав отвечающего ученика, он стучал по кафедре и говорил: “Что это за болтовня? В самом центре класса завелся какой-то очаг заразы, который мешает вести урок!”...»

Эта же книга помогла установить еще один интересный факт биографии А.М.Гамова. Он был одним из членов коллектива художественного чтения при Доме ученых, которые, посещая в летние месяцы санатории и дома отдыха, читали по ролям пьесы классического и современного репертуара. В.В.Лазурский упоминает «Марию Стюарт» Шиллера и «Клопа» Маяковского. Выступления были бесплатными. Понятно, что свои роли А.М.Гамову приходилось учить наизусть. Он очень любил театр, и Г.А.Гамов упоминает, что «отец был фанатиком оперы и часто насвистывал или напевал вполголоса арии из “Риголетто”, “Фауста”, “Пиковой дамы” и других опер».

О том, что А.М.Гамов был учителем, добросовестно относящемся к своим обязанностям, свидетельствует и документ, переданный в отдел «Одессика» ОННБ им. М.Горького Л.А.Щербиной. Документ представляет собой речь, написанную А.М.Гамовым в 1927 г. по случаю 25-летия общественной и педагогической деятельности А.Д.Щербины, преподавателя русского языка и литературы ряда одесских гимназий,

члена Историко-филологического общества при Новороссийском университете. Из этой речи мы узнаем, что А.М.Гамов занимал также должность библиотекаря в училище Св. Павла. Это подтверждается архивными документами, более того, при проверке реального училища отмечалось, что «библиотека поставлена безукоризненно». А.М.Гамов рекомендовал своим ученикам завести тетради для систематических записей о внеклассном чтении. Он вспоминает, «с какой охотой и несомненной пользой они эти записи делали». Вспоминает он также о том, как водил своих учеников в Большую физическую аудиторию университета на лекцию А.Д.Щербины, посвященную Н.В.Гоголю, и о том, «сколько разговоров и споров было среди моих учеников, вызванных этой лекцией». О добросовестности А.М.Гамова свидетельствует и «Ведомость о количестве уроков у каждого из преподавателей Одесского реального училища Св. Павла с обозначением, кто из них и сколько пропустил уроков» за 1897 г. Как значится в этой ведомости, в течение 1-го полугодия он дал 354 урока и не пропустил ни одного, во 2-м полугодии дал 355 уроков, а пропустил 28. Причина была вполне уважительная: А.М.Гамов исполнял обязанности присяжного заседателя в Окружном суде.

Итак, уничтожительная характеристика Л.Д.Троцкого не соответствует действительности – А.М.Гамов был хорошим педагогом.

А какой учительницей была А.А.Гамова? До сих пор никаких свидетельств об этом не было. Однако автор нашел в газете «Одесский листок» за 16 и 17 мая 1913 г. некрологи, которые помогли установить некоторые факты биографии матери выдающегося ученого. Она родилась в Одессе 4 августа 1865 г. в семье настоятеля Одесского кафедрального Преображенского собора, члена Херсонской духовной консистории протоиерея Арсения Гавриловича Лебединцева. А.А.Гамова закончила женскую гимназию фон Гауеншильд-Кларк (впоследствии С.И.Видинской), где и осталась учительствовать. Скончалась она 15 мая 1913 г. «от разлития желчи, осложнившегося сердечными припадками» и была похоронена на Старом христианском кладбище.

В той же газете от 17 мая напечатана заметка Н.Набок-Васильковой, ученицы А.А.Гамовой, которую нельзя не процитировать: «Это была не учительница, а друг, кумир детей. Каким обожанием было окружено ее милое имя. Она была единственная! Чуткая, талантливая рассказчица, учительница, пламенно преданная своему делу, она еще пленяла нас какой-то неотразимой симпатией, которой проникнуто было все ее существо. Самыми яркими, самыми поэтическими минутами в скучных стенах гимназии были мы обязаны ее урокам и ей самой.

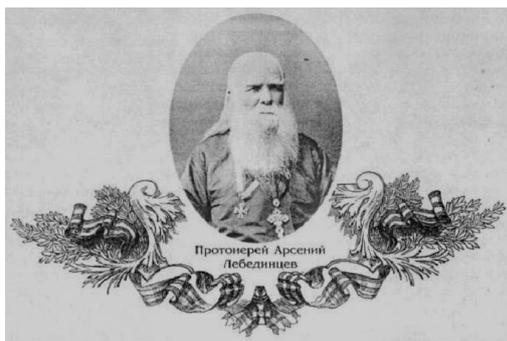
Она была своего рода поэтом, и в детские сердца полными пригоршнями бросала семена правды, любви к свету и знанию. Отечественная история и почти весь гимназический курс географии – о, что это были за увлекательные уроки. Педантизма покойная Александра Арсеньевна не выносила. Она всегда своими словами объясняла урок, добавляя и изменяя текст скучных книг...

Ее образ согревал детские сердца и, окончив гимназию, каждая из нас уносила о ней самое теплое, самое хорошее воспоминание. Милое личико с таким ласковым выражением карих глаз, с бесподобной улыбкой, рисуется сейчас передо мной и не хочется верить, что еще несколько часов – и она скроется от нас навеки...»

В приложении к «Одесскому листку» от 25 мая 1913 г. была напечатана фотография А.А.Гамовой.

А.А.Гамова умерла, когда Юре было девять лет. У него вполне могли сохраниться детские воспоминания о матери, однако в своей автобиографической книге он упоминает лишь о том, что она читала ему Жюль Верна (после чего он стал мечтать о полетах на Луну), а также излагает драматическую историю своего появления на свет в результате кесарева сечения.

Достаточно подробно, но далеко не точно, Гамов рассказывает и о своей родне с материнской и отцовской сторон. Уже было упомянуто, что дед ученого, А.Г.Лебединцев, был кафедральным протоиереем Преображенского собора. Гамов упорно называет его митрополитом, и многие авторы, ничтоже сумяшеся, повторяют эту неточность, а ведь сейчас стоит только заглянуть в Интернет, чтобы узнать много интересного о замечательном человеке А.Г.Лебединцеве, участнике и летописце 360-дневной осады Севастополя. Он был настоятелем Севастопольской Петропавловской церкви, благочинным Севастопольского округа, духовником Кресто-Воздвиженской общины сестер милосердия. Дневник, который он вел в осажденном Севастополе, был начат 1 сентября 1854 г. и доведен до конца осады. Страсть к изучению истории А.Г.Лебединцев сохранил на всю жизнь. В Одессе он стал членом Одесского общества истории и древностей, автором значительных работ по истории Юга России.

Рассказывая об участии А.Г.Лебединцева в Крымской войне, Гамов упоминает лишь один эпизод, одновременно и трагический, и юмористический, о счастливом спасении деда и ценной иконы Богоматери с младенцем. Эта икона, с вонзившимся в ручку младенца взрывателем, висела, по словам Гамова, в Преображенском соборе у царских врат. «Я очень хорошо помню, как много раз ее видел, когда приходил в Собор ребенком; трубка взрывателя стала даже зеленоватой из-за окисления медной поверхности. Интересно, есть ли она все еще там», – писал Гамов. Мемуары создавались в 1960-е годы, и даже тогда Гамов явно не знал, что уже тридцать лет, как собор был взорван.

Внесем некоторые уточнения. Действительно, счастливо уцелевшая икона была передана протоиереем в собор, где ее поместили слева от гробницы архиепископа Димитрия. Мраморный щит, куда была вставлена икона, украшал венок, перевитый георгиевскими лентами, с надписью внизу: «В память кафедрального протоиерея Лебединцева».

Нельзя не упомянуть дядей Г.А.Гамова, родных братьев А.Г.Лебединцева, Петра и Феофана, известных историков и просветителей. Интересно, что они были знакомы с Т.Г.Шевченко, оставили о нем воспоминания, а Петр Гаврилович отслужил в Киеве панихиду над гробом поэта, когда его останки перевозили для перезахоронения в Канев.

Двоюродный брат А.А.Гамовой, Константин Феофанович Лебединцев, стал математиком, автором известных учебников по алгебре для средней школы.

У А.Г.Лебединцева, кроме дочери Александры (сама она называла себя Шуркой), было четверо сыновей. «Только один из сыновей, дядя Витя, выбрал военную карьеру и стал командиром броненосца Черноморского флота», – пишет Г.А.Гамов. Остальные трое окончили Новороссийский университет. Владимир в 1870 г. окончил юридический факультет и стал судебным следователем по важнейшим делам, а затем членом Одесского окружного суда. Александр в 1874 г. окончил историко-филологический факультет и преподавал древние языки в Ришельевской гимназии и 2-й прогимназии (он даже написал книгу об истории 2-й прогимназии). Младший, Арсений, в 1885 г. окончил с золотой медалью отделение естественных наук физико-математического факультета и стал известным гидрохимиком. В 1890-1891 гг. вместе с Н.И.Андрусовым установил и измерил содержание сероводорода в Черном море. Он проводил физико-химические исследования состава воды Одесской бухты и одесских лиманов, изучал Азовское, Каспийское, Балтийское и Мраморное моря.

Сын Владимира Арсеньевича, Всеволод, изучал астрономию в Римском университете. По словам Г.А.Гамова, там «он спутался с нигилистской группой и отправился в С.-Петербург с целью убить премьер-министра Столыпина». На самом деле В.В.Лебединцев был членом и некоторое время руководителем Летучего боевого отряда Северной области партии эсеров. Члены отряда готовили покушение на Великого Князя Николая Николаевича и министра юстиции И.Г.Щегловитова. Покушения были неудачными. 6 февраля 1908 г. он был арестован, во время следствия выдавал себя за итальянца, казнен под именем Марио Кальвино. Перед казнью передал через защитника записку отцу: «Смерти не боюсь, избежать ее не желаю, скорблю, что так вышло, но иначе поступить не мог». В «Рассказе о семи повешенных» Леонида Андреева Всеволод Лебединцев выведен под именем Вернера. О том, что Кальвино – это Лебединцев, писалось даже в газетах, но официально этот факт признан не был, и В.А.Лебединцев сохранил должность члена Окружного суда до самой смерти. Его жена, Н.А.Лебединцева, сначала получала пенсию за мужа, а после революции – за сына.

По отцовской линии Г.А.Гамов принадлежал к старинному русскому дворянскому роду Гамовых, восходящему к концу XVI века. Дед ученого, Михаил Андреевич Гамов, был полковником. По словам Гамова, он «прибыл в Южную Россию с Севера в качестве командующего Кишиневским военным округом». У него также было четверо сыновей и дочь. Иван дослужился до полковника и был расстрелян в 1922 г. вместе с другими белыми офицерами, не пожелавшими покинуть Россию после бегства Врангеля из Крыма. Владимир умер от воспаления легких в звании поручика до 1912 г., Михаил был банковским служащим и умер до 1917 г. Дочь Мария собственной семьи не имела, всю жизнь прожила в семье брата Ивана и умерла от тифа в 1921 г.

Но вернемся в детство Г.А.Гамова. Ряд лет его родители снимали летом пристройку на даче, принадлежавшей преподавателю математики и физики Реального училища Св. Павла Михаилу Андреевичу Базилевичу (10-я станция Большого Фонтана, Академическая, 16). У него было четыре дочери, с одной из них, Верой, Юра Гамов дружил. У родственницы Базилевичей Натальи Ивановны Литвиненко (ныне покойной) сохранилась открытка, написанная крупным неуверенным детским почерком: «Дорогая Вера! Спасибо за поздравления и за память. Я очень сожалею, что ты уедешь на дачу. Боюсь, что замерзнешь. Поклон от Папы, Мама и Жени. Юра Гамов». Судя по содержанию, Вера поздравляла его с днем рождения. Интересно, что для ответа Юра выбрал открытку, на которой изображен Наполеон, стоящий в позе, которую так и называют – наполеоновской.

В 1913 г. Юра поступил в Реальное училище, учрежденное коллегой отца, преподавателем географии Валерианом Антоновичем Жуковским (Херсонская, 26). В некоторых статьях о Гамове пишется, что это было училище имени В.А.Жуковского. Авторы, видимо, сбило с толку совпадение инициалов основателя и директора училища с инициалами поэта-романтика.

Годы учебы Г.А.Гамова пришлось на Первую мировую войну и революцию, в это смутное время Одесса неоднократно переходила из рук в руки. Как вспоминает сам Гамов, «пребывание в гимназии было sporadическим... Между тем у меня начали проявляться успехи в искусствах и науках, и я помню день, когда я читал книгу по евклидовой геометрии около окна в нашей квартире, и оконное стекло вдруг разбилось вдребезги от ударной волны от артиллерийского снаряда, разорвавшегося на соседней улице. Тем временем школьная жизнь продолжалась, а я все более и более стал интересоваться астрономией и физикой».

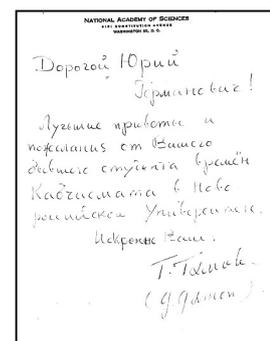
Хорошо давались Юре и иностранные языки (немецкий и французский), что, несомненно, пригодилось ему в будущем.

В 1920 г. Г.А.Гамов окончил семь классов училища и поступил на математическое отделение Физико-математического института. Так что многочисленные упоминания о том, что Гамов учился в Одесском университете, подчерпнутые у него самого, не соответствуют действительности. Именно в 1920 г. Новороссийский университет вместе с остальными универси-

тетами Украины был ликвидирован и возродился под именем Одесского только в 1933 г.

Физико-математический институт располагался в главном здании университета (Петра Великого, 2) и работали в нем все те же университетские преподаватели. Гамов проучился в этом институте всего один год, в течение которого прослушал лекции таких крупных математиков, как С.О.Шатуновский (читал высшую алгебру) и В.Ф.Каган (читал многомерную геометрию). В своих воспоминаниях он пишет: «Чтение лекций Кагана обычно проходило по вечерам, и всегда нужно было опасаться, что аудитории не будут освещены: из-за ограничений в топливе электричество часто отключалось. Но, тем не менее, он продолжал занятия, ссылаясь на то, что все равно многомерные фигуры нельзя нарисовать на двумерной доске. Студенты и сам профессор должны были перелезть через железную изгородь, окружавшую университетский городок (по ночам, когда не было электричества, привратник уходил рано и некому было открыть ворота), и мы, проходя по коридорам университетского здания, освещали себе путь свечами. Но, тем не менее, маленькая группа, пережившая все эти неудобства, получила отличные оценки на заключительном экзамене. “Это доказывает, – сделал вывод профессор Каган, – что воображение важнее освещения”».

В Физико-математическом институте Г.А.Гамов познакомился также с молодым преподавателем Ю.Г.Рабиновичем, который «был хранителем “кабисмата” (кабинета чистой математики), где мы могли читать книги и журналы в течение дня, а также болтать о математике и многих других вещах по вечерам». Занятиям и болтовне способствовало одно немаловажное обстоятельство. Как свидетельствуют архивные документы, заведующий кабинетом Ю.Г.Рабинович добился, чтобы в помещении установили железную печку и выдали дрова. Гамов пишет, что «именно эти три человека (т.е. Шатуновский, Каган и Рабинович) привили мне вкус к математике». Кроме того, знакомство с Ю.Г.Рабиновичем сыграло и другую важную роль в жизни Г.А.Гамова. Дело в том, что в 1922 г. Рабинович уехал из СССР и поселился в США. Он преподавал в Мичиганском университете, стал известным математиком, вышел в отставку в звании заслуженного профессора. В 1920-е годы Гамов и Рабинович переписывались, в своих письмах Рабинович рассказывал много интересного об Америке, и, скорее всего, рассказанное, вместе с другими обстоятельствами, повлияло на решение Гамова покинуть СССР.

Год поступления Гамова в Физико-математический институт подтверждается документами, найденными в Государственном архиве Одесской области. Там же хранится следующее прошение на имя ректора Одесского института народного образования, датированное августом 1921 г.: «Прошу зачислить меня на математическое отделение вверенного Вам института. При сем прилагаю справку о сданных мною зачетах». В справке значится только один предмет – геометрия, сданный, как мы знаем, В.Ф.Кагану. Дело в том, что в 1921 г. по распоряжению Губпрофобра Физико-математический институт был ликвидирован, а студенты переведены на соответствующие курсы основанного за год до этого Института народного образования. Так что прошение было чисто формальным и свидетельствует лишь о том, что Гамов намеревался продолжать обучение в ИНО. Однако этого не произошло. О причинах можно только гадать. Возможно, что к тому времени он уже определился, что хочет заниматься физикой, а уровень преподавания физики в Физико-математическом институте и ИНО был значительно ниже уровня преподавания математики. Гамов даже пишет, что лекции по физике не читались, что не соответствует действительности. Скорее всего, он просто не хотел слушать лекции слабых, по его мнению, преподавателей. Наиболее сильный из физиков, профессор Н.П.Кастерин, по словам Гамова, отказывался читать лекции «на том основании, что не мог получить ассистента для проведения демонстраций во время лекций. Кроме того, все равно полностью отсутствовали приборы для демонстраций – будь то опыт Галилея с маятником и эксперименты Дж.Дж.Томсона с электронным пучком. “Я не хочу читать мелодраматические лекции”, – заявил Кастерин». (Гамову пришлось объяснять американскому читателю каламбур Кастерина, не желавшего читать лекции только с помощью мела). Это воспоминание Гамова согласуется с тем фактом, что Н.П.Кастерин в 1922 г. был выслан из УССР. Он не уехал за границу, а переехал в Москву.

Летом 1982 г. Ю.И.Лисневский встретился с дочерью Н.П.Кастерина Татьяной Николаевной, которая училась с Гамовым в одной группе. Гамов пишет, что они «стали большими друзьями и могли бы стать мужем и женой, не будь я таким застенчивым, так что из этого ничего не получилось». Услышав об этом от Ю.И.Лисневского, «она улыбнулась с некоторой долей скепсиса, но ничего не сказала». Интересны ее воспоминания о совместной учебе с Гамовым: «Мы с ним часто пропускали занятия... для него обычным было прийти на занятия босиком. Постоянно чудил, был оригиналом». Впрочем, появление на занятиях босиком может объясняться не оригинальностью Гамова, а гораздо более прозаическими причинами. В Государственном архиве Одесской области сохранились протоколы заседаний президиума Физико-математического института за 1920/21 учебный год, т.е. за тот год, когда там учился Гамов. В одном из этих протоколов зафиксировано обсуждение предложения хозяйственного отдела Губвуза «о предоставлении списка профессоров и приват-доцентов, нуждающихся в обуви и починке ее». Понятно, что Гамо-

ва в этих списках не было и быть не могло, но приведенный факт дает представление о лишениях, которые тогда испытывали многие, в том числе и профессора, и студенты.

Кстати, вспоминая о первых годах пребывания Гамова в Петрограде, А.В.Иоффе, жена академика А.Ф.Иоффе, которая училась в Петроградском университете на курс младше его, подчеркивает, что он «был очень беден и испытывал крайнюю нужду».

В 1922 г. Г.А.Гамов уехал учиться в Петроград. Что же он делал целый год в Одессе? В автобиографии, написанной при поступлении на работу в Физико-техническую лабораторию (будущий Ленинградский физико-технический институт), он указывает, что в 1921-1922 гг. был сотрудником вычислительного бюро Астрономической обсерватории в Одессе. Кроме того, в журнале «Мироведение» (1921, № 2) напечатан отчет о деятельности Одесского отделения Русского общества любителей мироведения, в котором указано, что Гамов был секретарем физико-химической секции. В отчете за 1921 г. (Мироведение. – 1922. – № 2) Гамов все еще значится секретарем этой секции, однако указано, что он переехал в Петроград. В отчете за 1922 г. (Мироведение. – 1923. – № 2) отмечен доклад Гамова «Строение атома».

Не так давно были обнаружены и опубликованы воспоминания многолетнего заведующего кафедрой астрономии и директора Астрономической обсерватории ОГУ, члена-корреспондента АН УССР В.П.Цесевича. В августе-октябре 1921 г. четырнадцатилетним подростком он был в Одессе. Вот что он пишет: «К тому времени я еще ни разу не наблюдал небо в хороший телескоп. Я узнал, что в Одессе, около почтамта, на Садовой улице, 4, есть любительская обсерватория с 6” телескопом, и там управляет Георгий Гамо́в. Я его искал в университете на улице Петра Великого, 2, но испугался и дальше четырех мраморных колонн не пошел. А в вестибюле было пусто, и спросить было не у кого... Я видел Гамова в этот приезд, и он называл меня “микроскопический коллега”».

Кроме того, летом 1921 г. Гамов занимался яхтенным спортом в Военно-морской школе при Одесском яхт-клубе и принимал участие в гонках.

Итак, в 1922 г. оканчивается одесский период в жизни Г.А.Гамова. «Проведя год в университете, – пишет Гамов, – я решил покинуть родной город и отправиться в Ленинград (Петроград в то время), где, как я слышал, физика начала процветать после зимней спячки в революционный период. Конечно, это был нелегкий шаг. Отец продал большую часть нашего фамильного серебра и я покинул Одессу». Но до 1933 г., до отъезда из СССР, Гамов не раз приезжал в Одессу к отцу. Он жил в одной комнате четырехкомнатной коммунальной квартиры на Херсонской, 17. Трехэтажный флигель стоял во дворе, он сгорел во время войны от попадания зажигательной бомбы. До 1920 г. вся квартира принадлежала Гамовым, затем их уплотнили – подселили еще две семьи работников просвещения – Альшанских и Занчевских.

Адрес Пастера, 17 – единственный, который упоминается в статьях о Гамове. Однако семья Гамовых до 1904 г., когда она поселилась в квартире, где и ро-

дился ученый, довольно часто переезжала. Удалось установить несколько адресов, по которым проживали Гамовы (поженились они в 1885 г.). В 1888 г. они жили на ул. Нежинской, 47, дом Мармарино, в 1889 – на Ямской, 69, дом Шварца (ныне ул. Новосельского), в 1890-1893 гг. – на той же Ямской, но в доме № 79, принадлежавшем Гросул-Толстому, с 1894 по 1898 гг. жили в церковном доме № 3 на Соборной площади в семье А.Г.Лебединцева (там жил и брат Гамовой Александр), в 1899 – по Греческой, 35, в 1900-1903 гг. – по Херсонской, 21. В 1904 г. они, наконец, поселились в доме на Херсонской, 17, хотя, если быть точным, 17-м он стал после 1907 г., когда была открыта Публичная библиотека, а до того значился под № 15.

Автору особенно приятно отметить, что имя А.М.Гамова в качестве дарителя значится в отчетах библиотеки за 1907-1914 гг. В течение этих лет он передал в дар Публичке 129 книг по педагогике, истории, географии, богословию, а Музею книги библиотеки подарил гравюру с видом Преображенского собора, фотографию Николаевского бульвара и печатное приглашение на обед, устроенный Городской Думой 22 августа 1857 г. в память основания Одессы.

Уехав из СССР, Гамов еще какое-то время надеялся вернуться, и в СССР еще несколько лет надеялись, что он вернется. Поэтому кампания по клеймению позором невозвращенца началась в 1937 г., после того, как в центральной прессе появилось сообщение о том, что Гамов отказался «исполнить свой долг перед Родиной». Состоялись соответствующие собрания и в одесских вузах, в частности в Одесском институте инженеров водного транспорта.

Весной 1938г. А.М.Гамов покончил жизнь самоубийством. Вполне возможно, что трагическое решение созрело под влиянием общей обстановки в стране и кампании, направленной против его сына.

В этом же году Г.А.Гамов был лишен звания члена-корреспондента АН СССР, которое получил шестью

годами ранее. Через 52 года, в 1990 г., он был восстановлен в этом звании.

Память Гамова чтут во всем мире. В честь столетия со дня рождения ученого 2004 г. был объявлен ЮНЕСКО «Международным годом Гамова». Именем Гамова назван кратер на Луне и малая планета.

Чтут память выдающегося земляка и в Одессе. В 1994 г., в год 90-летия со дня рождения Гамова, бла-

годаря усилиям одесских астрономов, увидела свет книга «Моя мировая линия», в Одессе состоялась международная научная конференция, а в Петербургском физико-техническом институте был проведен симпозиум, посвященные памяти ученого. С тех пор Гамовские конференции каждые пять лет собирают в Одессе ученых из многих стран мира. С 2000 г. ежегодно проходят

международные летние Гамовские астрономические школы. Установлена мемориальная доска на главном здании ОНУ, именем Гамова назван сквер.

В честь разработанной Гамовым теории генетического кода европейским интерклубом «Дом Дерибаса» (штаб-квартира в Берлине) в рамках Международной Дерибасовской премии была учреждена номинация «Одесские генетические корни». Первая Международная Дерибасовская премия в этой номинации была присуждена Гамову.

Статью хочется закончить словами его сына Игоря Рустема Гамова, известного биофизика и изобретателя, приезжавшего в Одессу на одну из Гамовских конференций: «Если бы Георгий Гамов не родился в Одессе, он бы никак не стал тем Гамовым, которого мы знаем».